

Якимова Светлана Ивановна

**ЖАНР КРИТИЧЕСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВС. Н. ИВАНОВА)**

В статье на основе нового, неизученного отечественным литературоведением фактического материала рассматривается вопрос о специфике жанра критической параллели как самостоятельного жанра литературно-художественной критики на примере сопоставительного анализа идейно-художественного содержания произведений А. П. Чехова ("Вишневый сад") и Д. Голсуорси ("The Skin Game" - "Борьба до шкуры"), представленного в статье известного писателя и критика русского зарубежья Дальнего Востока Вс. Н. Иванова "Две борьбы за Вишневый сад".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 63-65. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В статье на основе нового, неизученного отечественным литературоведением фактического материала рассматривается вопрос о специфике жанра критической параллели как самостоятельного жанра литературно-художественной критики на примере сопоставительного анализа идейно-художественного содержания произведений А. П. Чехова («Вишневый сад») и Д. Голсуорси («The Skin Game» – «Борьба до шкуры»), представленного в статье известного писателя и критика русского зарубежья Дальнего Востока Вс. Н. Иванова «Две борьбы за Вишневый сад».

Ключевые слова и фразы: жанр критической параллели; литературная критика; Вс. Н. Иванов; русское зарубежье Дальнего Востока; А. П. Чехов; Д. Голсуорси.

Якимова Светлана Ивановна, д. филол. н., доцент
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
005563@pnu.edu.ru

ЖАНР КРИТИЧЕСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВС. Н. ИВАНОВА)

На рубеже XIX-XX вв. бурное развитие в литературно-художественной критике переживал жанр критической параллели, активизировавший философско-эстетические искания в условиях идейного размежевания российского общества вследствие Октября 1917 г., приведшего к расколу России на метрополию и диаспору. Обладая высоким аналитическим потенциалом, жанровая версия критической параллели «два в одном» в высшей степени отвечала запросам переломной эпохи, требовавшей широких сопоставлений, поиска аналогий, обнаружения контрастов для уяснения ведущих тенденций эстетического развития.

Жанр критической параллели, утвердившийся в отечественной критике еще с эпохи В. Г. Белинского, не перестает существовать в полемическом контексте. С одной стороны, не вызывая возражений в силу своей фундаментальности, поскольку поиск и выявление литературных аналогий является, по утверждению Л. П. Гроссмана, «одним из основных» ее «законов», одним из краеугольных камней литературной критики вообще [5, с. 10]. Критическую параллель не все исследователи рассматривают как жанр. Так, С. Кормилов усматривает в ней лишь композиционный прием [3, с. 186]. Исследователь В. Н. Крылов говорит о возможности разграничения параллели как жанра и приема. По его утверждению, если сравнение охватывает весь текст статьи, то это жанровый признак, если же является лишь «вкраплением», то это прием [4, с. 336].

Актуализация жанра критической параллели в переломные моменты исторического развития обусловливается необходимостью через выявление контрастных позиций максимально приблизиться к сути вещей во всей их сложности и многогранности. Проблема отбора сопоставляемых писательских имён и созданных ими художественных творений осложнялась идеологическими воззрениями критика. В советской критике в условиях идеологического диктата выбор объекта критической параллели был заметно ограничен. В то время как литературная критика русского зарубежья обладала гораздо большей свободой в конструировании литературной параллели, а значит, более продуктивно участвовала в создании глобального историко-литературного процесса, способствовала продвижению в нем русской литературы.

Писательская критика русского зарубежья Дальнего Востока активно осваивала приём «прояснения своего чужим», то есть русского художественного феномена – европейским или мировым, тем самым опираясь на широкую, полную и объективную доказательную базу в своих наблюдениях и выводах.

Идейно-эстетические искания литературной критики русского зарубежья Дальнего Востока в жанре литературной критической параллели, опирающейся на форму полемического диалога, заняли важное место в деятельности писателей и критиков, открыв новые горизонты отечественному историко-литературному процессу за рубежом.

В этом ряду писателей-критиков заметное место принадлежало Вс. Н. Иванову (1888-1971), известному в русском зарубежье журналисту, приверженцу исторического жанра, мыслителю-энциклопедисту.

Литературно-критическая деятельность Вс. Н. Иванова вобрала в себя болевые точки эпохи раскола, переоценки ценностей. Актуальные аксиологические проблемы Иванов-критик рассматривает в широком контексте русской и зарубежной литературы, английской, в частности. Соотнося современную и классическую литературу, Иванов наделяет литературно-художественную критику авангардной ролью модератора, организатора литературного и историко-культурного процесса.

В 1929 г. в двуязычной китайско-русской газете «Гун-Бао» («Общественная газета»), выходившей в Харбине, Вс. Иванов опубликовал критический очерк в жанре критической параллели «Две борьбы за Вишневый сад», в котором актуализировал творческий диалог русского писателя А. П. Чехова и английского романиста, драматурга Д. Голсуорси. Инициатором этого диалога выступил сам Чехов, когда в 1896 г. написал рассказ «Дочь Альбиона», в котором обратился к проблеме глубоких ментальных различий двух типов культур, обусловивших траекторию особого национального поведения. Рассказ А. П. Чехова построен на конфликте

русского и английского взгляда на мир. Причем, в отличие от традиции русской литературы XIX в., Чехов отнюдь не стремится к идеализации английского национального характера, а, напротив, развенчивает стереотип о его безупречности, который был прочно зафиксирован в русском сознании. В небольшом по объему рассказе весьма содержательно раскрыты некоторые константы как английского, так и русского национальных характеров. В этом рассказе впервые в отечественной словесности «достойное» поведение англичанки показано не в качестве наставления русскому бескультурью, а как объект особой, глубокой – чеховской – иронии.

В первой четверти XX столетия творчество А. П. Чехова было необычайно актуальным и востребованным как русской, так и мировой культурой. В 1928 г. английский писатель Д. Голсуорси называл Чехова писателем «более современным, чем наши современники» [1, с. 432].

Такой оценки произведения Чехова удостаиваются и почти через сто лет, в наше время. Сжатость формы, поразительным образом сочетающаяся с масштабностью содержания, выдвинули А. П. Чехова в первый ряд писателей мирового уровня. Аксиоматикой его творчества стали слова Д. Голсуорси: «О Чехове можно сказать, что у его рассказов как будто нет ни головы, ни хвоста, что они, подобно черепахе, сплошная середина. Однако многие из тех, кто пытался ему подражать, не понимали, что головы и хвосты лишь втянуты внутрь, под панцирь» [Там же, с. 433].

Эпиграфом к своей статье Вс. Иванов взял слова А. П. Чехова из этого рассказа «Это, брат, ей не Англия...» [6, с. 50]. Вс. Иванов, перефразируя слова Чехова («Это, брат, тебе не Англия...») при рассмотрении английской аналогии «Вишневого сада» А. П. Чехова, драмы Д. Голсуорси «The Skin Game» («Борьба до шкуры»), в своей критической статье, написанной в других социокультурных обстоятельствах, существенно меняет акценты [2, с. 193]. Актуализацию «новой драмы», как явления мировой литературы, Вс. Иванов осуществляет в обстоятельствах все возрастающего интереса мировой драматургии к творчеству А. П. Чехова, во многом способствовавшего внедрению в художественную структуру своих пьес философско-символического подтекста. Потребность в подобных новациях диктовалась временем, событиями эпохи первой трети XX века.

Выбор писательской фигуры для реализации принципа критической параллели чаще всего обусловливается внутренними импульсами, содержанием творчества сравниваемых авторов, в данном случае – русского и английского драматургов, А. П. Чехова и Д. Голсуорси.

Романное и драматургическое творчество Д. Голсуорси характеризуется глубоким психологизмом, лиричностью, порой – особой гротескностью, трансформируясь в художественные этюды к масштабному полотну социальной жизни. Писатель и драматург в своем художественном творчестве изображает это пространство жизни, сохраняя приверженность традициям классического реализма. Вс. Иванова не могла не привлечь высокая степень объективности Д. Голсуорси в сочетании с тонкостью психологической нюансировки и богатством стилистики, которые в совокупности и помогли ему воплотить в своих драматургических произведениях сложную, продолжительную во времени борьбу чувств, унижение духа, трудную страсть и мучительные, затянувшиеся усилия приучить себя к отупению и равнодушию, примирить с ними. Установка английского писателя на то, чтобы запечатлеть жизнь со всем своим жаром, холодом и горечью, оказалась созвучной мироощущению русского писателя и критика в изгнании.

Отметив в самом начале своего критического анализа «сродство сюжетов» пьес Чехова и Голсуорси, Вс. Иванов переходит к сопоставлению философии жизни главных персонажей. «М-р Хиллкрест, помещик и дворянин, со своей женой и дочерью в своём имении давно живет... Со времен королевы Елизаветы. Прадеды, деды, внуки, правнуки... И в раскрытое широкое венецианское окно – все один и тот же вид, которым любовались. <...> Широкие поля, тенистые деревья, и мир, мир, мир...» [Там же].

И в этот несокрушимый быт вторгаются «новые веяния» в лице нувориша Хорнблоуэра, прикупившего часть имения Хиллкреста и поставившего там обжигательные печи для «выделывания» посуды и преумножения капитала. Хорнблоуэр позиционирует себя с «восходящим солнцем», дерзко противопоставляя себя Хиллкресту, которого именуется «солнцем закатным». Пьеса Голсуорси рождает глубокие размышления о ценностях человеческого бытия. Образы старого дома, старого мира, ассоциирующиеся у автора с венецианским окном, вступают в неравный, жесткий поединок с образом обжигательных печей, которые заключают в себе испепеляющее начало, угрожающее всему светлomu и живому. На аукционе «участок продан ему, восходящему солнцу», который, «допустив военную хитрость, сбил торговавшегося из последних Хиллкреста» [Там же, с. 194]. Как и в русской пьесе, новое, казалось бы, одерживает победу. «Победа?» – размышляет автор критической параллели. И отвечает: «По-русски – да» [Там же]. Но семейство старых англичан не думает уезжать ни в какой Париж, как поступили герои чеховской драмы. «Но то, что было в Вишневом саду, – “это, брат, тебе не Англия”».

– Мама похожа на Англию, – говорит молодая мисс, дочка старого помещика. – Когда она действует, для нее годятся все средства!...» [Там же]. Миссис Хиллкрест, прибегая к сомнительным средствам, добывает компромат на миссис Кло, невестку Хорнблоуэра. Критик Иванов уточняет при этом, «ведь дело происходит в Англии, где общественное мнение существует... Живет, действует...» [Там же, с. 195]. Шантажом и угрозами обличения в поступках безнравственных семейство Хорнблоуэра, ожидающее пополнения, сдается и уже вынуждено «продать заветный участок перед окнами старого дома семейству Хиллкрест по сходной цене, терпя большой убыток» [Там же].

Финальная сцена в драме Д. Голсуорси передает в полном объеме мощный накал страстей. «И в озаренном лунным сиянием венецианском окне старого дома, перед которым происходит горячее объяснение глав двух семей, разыгрывается трагедия.

– Я борюсь за мой дом, – заявляет м-р Хиллкрест, – борьба идет до “шкуры”».

– Вы побили меня теперь, Хиллкрест, – кричит несчастный нувориш, – вы меня обесчестили, вы разрушили семью моего сына, вы убили моего внука прежде, нежели он родился» [Там же].

Победа семьи из английского Вишневого сада оказывается Пирровой победой, которая обескураживает победителей.

«– Ужасно! – говорит он (Хиллкрест – С. Я.). – Борьба за шкуру... Борьба до шкуры. Ужасно!..

– Папа! – кричит дочь. – Это не ты виноват. Папа, это мать!

– Нет, – отвечает отец. – Я хозяин дома... Это я... И когда мы начали эту борьбу, у нас были чистые руки... А теперь?» [Там же].

Критическая параллель, проводимая Вс. Ивановым в очерке, имеет открытый финал. Гаевы из пьесы А. П. Чехова, сохранив руки чистыми, потеряли свой дом, свой очаг. Образ Вишневого сада, как олицетворение России, потерянной в драме Чехова семейством русских дворян, был актуализирован Ивановым в новых социокультурных обстоятельствах идейного раскола в стране и эмиграции большей части россиян за пределы России.

Образ Вишневого сада, пронизанный в чеховской пьесе мотивом тоски, оставался беззаветно и трепетно хранимым в душах изгнанников, продолжал рождать новые вопросы, ответы на которые пытливо искали писатели и критики. Финальные слова из очерка Вс. Иванова, как из толщи времени, обращены не только к соотечественнику-эмигранту: «И пусть ответит мне любезный читатель, у кого хватит терпения дочитать эти строки до конца: – Кто же прав? Кто же прав? Вопрос, который держит на себе всю русскую революцию» [Там же, с. 196]. Слова критика сохраняют свою актуальность и в современных, изменившихся социокультурных обстоятельствах.

Заклучая литературно-критическую параллель эмоциональным повтором горького риторического вопроса, автор статьи актуализирует, публицистически заостряет проблему утраты Отечества, вынужденного изгнанничества многих тысяч россиян. На фоне английской аналогии, по своей сути драматической, неоспорной, российская версия не обретает победного звучания. Цена вопроса переводится критиком в сферу нравственности: можно ли за высокое бороться низкими методами? Не формулируя прямого ответа на заданный вопрос, Иванов подводит читателя к проблеме социального инфантилизма российской интеллигенции в сложные, драматические моменты российской истории.

Заявленный в заголовке статьи параллелизм указывает на многочисленные созвучия и связи творчества русского писателя и английского, выявляет общность и различие идейно-эстетических позиций представителей разных литератур и культур, унифицирует классическое отношение художника к искусству. Искусство предстает как уникальный и универсальный фактор, призванный, создавая жизненно убедительные характеры и прослеживая всю сложную гамму отношений в обществе, выявлять нюансы личной жизни и судьбы человека через соприкосновение с огромным, бурлящим морем действительности.

Жанр критической параллели в литературном творчестве Дальневосточной эмиграции свое развитие получил в работах писателя и критика Н. Щеголева и поэтессы Н. Резниковой, продуктивно работавшей в журнале «Рубеж» как автор рубрики «Книжные новинки».

Отвечая на запросы своего времени, литературно-художественная критика русского зарубежья Дальнего Востока повышала осознание собственной необходимости в осмыслении драматических социокультурных процессов. Вместе с тем, заявляя о себе как о важном способе самоопределения художника, отечественная литературная критика укрепляла свои позиции в историко-литературном и историко-культурном процессе.

Список литературы

1. **Голсуорси Д.** Собрание сочинений: в 16-ти т. М., 1962. Т. 16. 456 с.
2. **Иванов Вс. Н.** Две борьбы за Вишневый сад // Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М.: Сов. писатель, 1991. С. 193-199.
3. **Кормилов С. И.** Критика Серебряного века в жанровом ракурсе // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2002. № 1. С. 185-191.
4. **Крылов В. Н.** Русская символистская критика (1890-1910-е гг.): генезис, типология, жанровая поэтика: дисс. ... д. филол. н. Казань, 2007. 508 с.
5. **Русская мысль.** 1914. № 11. 367 с.
6. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М., 1983. Т. 2. 342 с.

GENRE OF CRITICAL PARALLEL IN THE LITERARY CRITICISM OF THE RUSSIAN FOREIGN COUNTRIES OF THE FAR EAST (BY THE MATERIAL OF VS. N. IVANOV'S CREATIVITY)

Yakimova Svetlana Ivanovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Pacific National University, Khabarovsk
005563@pnu.edu.ru

In the article on the basis of the new, unexplored by domestic literary criticism factual material the author considers the specificity of the genre of critical parallel as an independent genre of literary-artistic criticism by the example of the comparative analysis of the ideological and artistic content of the works by Anton Chekhov ("The Cherry Orchard") and John Galsworthy ("The Skin Game"), represented in the article of the famous writer and critic of the Russian Foreign Countries of the Far East Vs. N. Ivanov "Two Struggles for The Cherry Orchard".

Key words and phrases: genre of critical parallel; literary criticism; Vs. N. Ivanov; the Russian Foreign Countries of the Far East; A. P. Chekhov; J. Galsworthy.